

**Jiří Kejř. Jan Hus známý i neznámý.
Praha, 2009. 137 s. /**
**Иржи Кейрж. Ян Гус известный и неизвестный.
Прага, 2009. 137 с.**

Abstract:

Vasilyeva D.B. *The known and the unknown Jan Hus. Prague, 2009. 137 p.*

The review considers the famous book by the prominent Czech historian and specialist in the Hussite movement Jiří Kejř, which reflects current trend of reassessment of medieval Czech history and the value of its protagonists.

Ключевые слова: Иржи Кейрж, Ян Гус, гуситское движение, историография гуситского движения.

История жизни и деятельности Яна Гуса, чешского проповедника, деятеля ранней реформации, не первое столетие привлекает внимание исследователей. В разное время его личность оценивалась по-разному. Первые оценки дали еще современники казненного проповедника. В реляции Петра из Младоневиц он предстает католическим священником, стремящимся доказать на суде свою верность церкви и непричастность к ересь¹. Автор донесения приводит слова магистра, в соответствии с которыми он пытался объяснить отцам собора, что все их обвинения беспочвенны; не вступал с ними в конфликт, желая спокойно объяснить свою позицию.

С другой стороны показан Гус в «Гуситской хронике» Лаврентия из Бржезовой². В своих проповедях магистр часто выступал против погрязшего в пороках духовенства, обличал его, чтобы вывести на путь праведной жизни, чем и заслужил ненависть многих грешных священнослужителей. Враги, охваченные злобой, выдумывали коварные и лживые обвинения, с помощью которых склоняли на свою сторону собор, поэтому покровители и друзья не смогли спасти проповедника от страшной гибели на костре, положившей начало волнениям в чешских землях.

В русской дореволюционной историографии существовало несколько различных точек зрения³. Так, славянофилы считали Яна Гуса борцом за исконное православие, для ученых-позитивистов он являлся деятелем ранней реформации. В историографии советского периода Гус был патриотом, «сыном чешского народа», смело вступившим на путь борьбы с реакционной католической церковью и погибшим за свои идеи.

В чешской литературе взгляды на деятельность проповедника также изменялись вместе со сменой исторических школ. Например, для Й. Добровского, родоначальника научной славистики, Гус был виднейшим представителем самобытной национальной чешской культуры периода ее расцвета. Для представителей романтической школы и, прежде всего, Франтишка Палацкого, проповедник – сын чешского народа, один из борцов за его религиозную и культурную независимость. Именно труды Палацкого, имевшие огромное значение для развития исторической науки того периода, на долгое время утвердили в сознании чехов идеализированный образ Яна Гуса. Странники консервативного католического направления критиковали подобную позицию, для них Гус и все его последователи были еретиками. Представители марксистской историографии оценивали Гуса как борца с церковными феодалами, угнетающими народ.

В последние несколько десятилетий происходит переоценка чехами собственной истории, появляются новые точки зрения относительно важнейших событий. Это относится и к оценке учеными личности Яна Гуса. Так, в 2009 г. в Праге вышло сочинение известного чешского историка Иржи Кейржа «Ян Гус известный и неизвестный». Автор, доктор юридических наук и специалист по гуситскому движению, постарался не только представить свое видение биографии отца чешской реформации, но и объяснить, как воззрения на место и природу церкви, кажущиеся сегодня естественными, могли привести проповедника к осуждению на смерть. Книга представляет собой как определенное осмысление автором знаний и выводов по данной проблеме, так и попытку новой, современной оценки этих знаний.

Значительная часть книги посвящена основным трудностям изучения жизни и учения проповедника. Прежде всего автор обращается к вопросу достоверности и информативности источников. Многие из них (хроники и летописи XV в.) носят, по его мнению, характер беглого описания отдельных событий жизни Гуса, поэтому не всегда подходят для подробного изучения. Однако далее, доказывая данное утверждение, И. Кейрж говорит о ценности хроники Петра из Младоневиц и Констанцской корреспонденции самого Гуса для изучения последних месяцев его жизни⁴. Но эти документы, по убеждению автора, все-таки не могут дать полную картину процесса – для ее воссоздания необходимы протоколы допросов и судебных заседаний, которые были утеряны, что создает невосполнимый пробел в исследовании. Создается впечатление, что историк запутался в собственном отношении к источникам: они то кажутся ему недостаточно подробными, отрывочными, то крайне ценными, достаточными для создания полной картины, при этом он говорит о невозможности точного воссоздания жизни человека, жившего более шестисот лет назад.

Следующим вопросом, освещаемым в книге И. Кейржа, является изучение собственного литературного творчества Гуса. Главным недостатком

для исследователей автор считает отсутствие критических изданий – некоторые труды до сих пор остаются доступны только в рукописях, многие опираются на старые собрания документов, изданные небрежными редакторами, которые нередко вносили в них изменения, сделавшие невозможным определение их достоверности. Примечательно, что обзор литературы по данному вопросу ограничивается рассказом о роли того или иного ученого в издании источников. Данный подход выглядит достаточно оригинально, так как автор практически не разделяет труды своих предшественников на историографические направления, рассматривая исключительно их научную ценность. Подобный подход не способствует выяснению точки зрения того или иного исследователя, так как эта самая точка зрения нередко не приводится, а заменяется указанием на основные публикации.

И. Кейрж также отмечает необходимость разделения собственного текста Гуса и использованных в работах заимствований, в первую очередь, из трудов Дж. Виклефа, но также сочинений отцов церкви, других авторитетных в то время теологов и кодексов канонического церковного права. Здесь же говорится, что исследователи более раннего периода говорили о полном заимствовании Гусом фрагментов сочинений Виклефа. Кейрж же доказывает, что, во-первых, заимствование не было полным, а во-вторых, в те времена использование работ других авторов, их авторитетного мнения считалось нормой.

Далее автор сообщает о некоторых ошибках, часто встречающихся при изучении жизни магистра. Это, прежде всего, вопросы о дате и месте его рождения, о том, был он ректором Пражского университета один или два раза, о его роли в создании Кутногорского декрета. Затем развенчиваются мифы о неправомерном вызове проповедника на суд папской курии, о первостепенной важности его процесса на Констанцском соборе и даже о доме, в котором магистр жил до ареста. Эти вопросы не являются первостепенными при изучении деятельности Гуса, но с их помощью автор показывает, что даже хорошо изученная тема еще имеет «белые» пятна. Следует отметить, что все приведенные «ошибки» действительно не имеют значения для изучения деятельности проповедника, их существование говорит только об отсутствии сведений биографического характера. Более того, Кейрж не сообщает, из каких именно источников он взял те или иные сведения и почему он считает правильной именно свою точку зрения, что создает впечатление умозрительности некоторых выводов историка.

Далее автор книги рассказывает об отношениях Яна Гуса с церковью. По мнению Кейржа, главной причиной осуждения проповедника стал его отход от учения церкви, которая в тот период не могла допустить ни малейшего вмешательства в действующее учение и, тем более, каких-либо попыток изменения этого учения. В своем стремлении к реформированию церковной организации гуситское движение не было первым не было первым,

кроме него существовали секты лоллардов и вальденсов, ранее распространившиеся по Европе. Все эти движения, по убеждению автора, были «первой реформацией», радикальной попыткой проведения религиозных реформ. Церковь яростно преследовала еретиков не потому, что не хотела мириться с попытками ослабить ее власть и богатство, а потому что стремилась очиститься от тех, кто отрывал человека от пути к истинному спасению, возможному только при ревностном исполнении церковных правил. То есть историк, в отличие от других авторов, считает гуситов исключительно религиозной сектой, он не говорит о других аспектах движения (экономических, социальных), полагая, вероятно, что последователи Гуса лишь развили его учение, не внося в него ничего своего.

И. Кейрж считает Яна Гуса богословом, он не видит в нем никого, кроме верного своему делу священника, жившего по Закону Божьему и призывавшего своих прихожан жить так же. Соответственно, мнение историка о причинах осуждения Гуса отличается от мнения исследователей (прежде всего, марксистских), которые считали проповедника борцом с церковными феодалами и защитником несправедливо притесняемых. Взгляды магистра, полагает автор, оказались еретическими именно из-за того, что он говорил о главенстве Господа, отрицал необходимость подчинения светской жизни духовной и не признавал превосходство папы римского, который, как он говорил, тоже мог быть грешным, а потому не мог никого привести к спасению. Социальные вопросы, как и вопрос о причастии, роль которых в осуждении была, по мнению автора, значительно преувеличена в историографии, вообще не были рассмотрены на соборе.

В нескольких разделах («Еретик», «Основной принцип – Закон Божий»⁵) Кейрж развивает тему причин вызова Гуса на суд и вынесения обвинительного приговора. Так, автор подчеркивает, что проповедник был безупречным священником, требовал полной чистоты жизни от своих слушателей, упрекал приходских священников в жадности, чем вызывал их неприязнь. Он искренне верил, что Священное писание стоит превыше всего и каждый христианин обязан жить по нему. По мнению автора, это убеждение, а также его проповеди, вызывающие ненависть священнослужителей, и увлечение еретическим учением Виклифа, вели магистра к осуждению. Он не считал, что обязан являться на суд Папы римского, так как проповедническая деятельность была для него важнее. Гус был уверен, что Суд Христа важнее суда главы церкви. Подобное заблуждение не могло не вызвать недовольство последнего. На суде неуважение Папы и игнорирование его приказаний были признаны чуть ли не самым большим заблуждением. Гус, таким образом, был казнен только потому, что не согласился признать главенство церковных властей и отказаться от еретических взглядов. И. Кейрж сообщает, что в некоторой предшествующей литературе подобная непокор-

ность пражского священника считалась лишь одной из причин печального исхода суда.

В четырех завершающих главах автор рассказывает о подготовке к суду и самом судебном процессе. Примечательно, что при этом основное внимание уделено не хронологии событий, а их причинам. Ученый достаточно подробно описывает взгляды сторонников и противников Гуса, много раз повторяет свой тезис о том, что его процесс не был главным вопросом собора. Также в книге неоднократно говорится о том, что суд не был заинтересован в осуждении еретика, несколько раз ему предлагали отречься от своих взглядов и сохранить жизнь, что, по убеждению автора, было невыгодно его соратникам, которым был нужен мученик. То есть Гус стал жертвой не только мести своих врагов, но и сговора собственных друзей, заинтересованных в появлении мученика. Другими словами, Ян Гус уже не является фигурой, самоотверженная смерть которой вызвала бурю негодования и привела к революции, его кончина – лишь повод для начала борьбы. Подобную точку зрения можно признать справедливой, и в этом случае необходимо выяснить, каким было положение чешских земель в рассматриваемый период и почему мученик нужен был народу именно сейчас. Кейрж, однако, этого не делает, что превращает его вывод в необоснованное предположение. К тому же, нередко подобные выводы не подкреплены ссылками на источник.

«Констанцская» часть книги содержит больше всего повторов, одна и та же мысль приводится в разных разделах практически одними и теми же словами, особенно это заметно в одиннадцатой главе «Глазами обвинителей», которая представляет собой изложение уже высказанных ранее суждений автора относительно недоброжелательности врагов и бывших друзей магистра, которые желали его осуждения больше, чем отцы собора, придумывая для этого различные ложные и сомнительные «обвинения».

Главную причину упорного желания Гуса принять смерть историк видит в наивной убежденности в верховенстве Закона Божьего над каноническим церковным правом. Он до последнего верил, что получит возможность свободно высказаться, защитить свои взгляды от нападков противников, даже подготовил проповедь, которую надеялся прочитать перед императором Сигизмундом. Упорство Гуса усиливало ненависть обвинителей, лишая его шанса на спасение. Участь его была предreshена. Здесь в работе Кейржа можно снова обнаружить противоречие: суд не планировал казнить еретика, ему до последнего предлагали отречься от своих убеждений, но у него было такое множество противников и врагов, что участь его была неизбежна.

Работа Иржи Кейржа, таким образом, действительно представляет собой изложение взглядов ученого на личность Яна Гуса, которая кажется ему недостаточно изученной, несмотря на огромное количество разного ро-

да исследовательских работ. Автор отмечает сложность изучения личности, жившей больше шестисот лет назад, так как современному человеку невозможно понять психологию человека, жившего в средние века. Гус для исследователя – это священник, свято верящий в идею главенства Христа, его превосходства над Папой и кардиналами, которые нередко оказываются большими грешниками, чем те, кого они обвиняют в грехе. Именно упорство и нежелание принять действующие нормы права и явились, согласно выводам Й. Кейржа, главными причинами его осуждения на смерть.

Книга рассчитана, в первую очередь, на широкую аудиторию. Автор часто пытается объяснить, что современность сильно отличается от времени, в котором жил его герой, предполагает, что не все понимают, какую роль играли в жизни человека Средневековья религия и каноническое право, почему церковь боролась с инакомыслием. Стараясь доступным языком рассказать историю жизни человека, погибшего за свои убеждения 600 лет назад, автор не всегда подкрепляет свою точку зрения ссылками на источники, многие его утверждения могут показаться сомнительными, иногда даже безосновательными. Например, в одной из глав говорится, что магистр сожалел о своем греховном юношеском увлечении шахматами, однако автор не считает нужным пояснить, почему проповедник пришел к такому выводу и в каком из документов это можно прочесть. Более того, он не объясняет современному читателю, почему такая безобидная игра названа греховным увлечением. На самом деле в октябре 1414 г., отправляясь в Констанц, Ян Гус писал своему другу, магистру Мартину из Вольне⁶, что шахматы ведут к потере времени и побуждают играющих к гневу, поэтому священник должен избегать подобных забав (а также быть скромным в быту и выборе одежды). Пример этот наглядно показывает, насколько Гус был строг к себе и другим, как он стремился безгрешно жить и призывал к этому других. Но Кейрж приводит только отрывочную информацию, не ссылаясь на источник и никак не развивая свою мысль, что вызывает недоумение.

Тем не менее, следует признать, что рецензируемый труд является полезным, так как отражает последние тенденции в современной чешской историографии и уточняет некоторые спорные моменты биографии Яна Гуса.

Примечания

¹ Петр из Младоневец. Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце // Лаптева Л. П. Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий. М., 1992. С. 15–59.

² Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.

³ Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.

⁴ Kejí J. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009. S. 11–12.

⁵ Ibid. S. 49–59.

⁶ Петр из Младоневиц. Указ. соч. С. 17.